

Т. А. Асташкина
ОН БЫЛ ПОЭТОМ ОТ РОЖДЕНИЯ

В октябре 2013 г. поэтом и писателем, секретарем комиссии по литературному наследию поэта В. Науменкова Валентином Петровичем Пустовитом в Камчатский краевой объединенный музей (ККОМ) был передан архив Владимира Ивановича Науменкова.

23 апреля 2014 г. исполнится 19 лет, как ушел из жизни наш земляк – русский поэт Владимир Иванович Науменков. Он прожил трудную, полную драматизма жизнь.

Владимир Иванович Науменков родился 1 сентября 1937 г. в крестьянской семье Ивана Ильича и Ольги Федоровны Науменковых в с. Кудинцево Льговского р-на Курской обл. Военное, послевоенное детство, безотцовщина. Юность на стройках Сибири, срочная служба матросом, учеба в Высшем Военно-Морском училище им. М. Ф. Фрунзе.

На Камчатку лейтенант Науменков прибыл в 1961 г. С этих пор его биография неразрывно связана с этим суровым, но романтическим краем. Пять лет служил в редакции газеты подводников «Залп», что располагалась в пос. Лахтажном (ныне – Рыбачий). Исключен из КПСС и уволен в запас в звании старшего лейтенанта весной 1967 г. без выходного пособия по ст. 59 п. «д» (служебное несоответствие) Закона СССР о воинской обязанности и военной службе.

Поэт Владимир Науменков был изгнан из ВМФ за создание произведений на историко-политические темы с резкой критикой культа личности и послесталинской советской действительности. Рукопись с такими стихами (поэма «Мавзолей Ленина», «Я – отпрыск красных басмачей...», «Год рождения – 1937» и др.) особисты заполучили обманным путем, после чего и составили «персональное дело».

В. И. Науменков уезжает на Север полуострова в Олюторский район, где работает в «районке», продолжает заниматься творчеством. С 1970 г. в течение четверти века, вплоть до своей кончины в 1995-м г. в возрасте 57 лет, поэт живет в Петропавловске. Первое время без работы и жилья, затем на должности курьера (член Союза журналистов с 1965 г.) в «Камчатском комсомольце». Переводят в художники... Кстати, Владимир Иванович неплохо рисовал, драму «Иван Грозный», начатую еще в Лахтажном, он иллюстрировал сам. В молодежной газете трудился все 70-е годы, хотя возраста был давно не молодежного.

И только в декабре 1979 г. его взяли, наконец, в «Камчатскую правду». В 1980 г. выходит первая книга поэта «У этих каменных берез», через 5 лет – вторая «Птицы-зарницы». В Союз писателей В. И. Науменкова не приняли. Это, как и изгнание из ВМФ, осталось незаживающей раной на его сердце. Последний удар нанесли коллеги-камчатправдисты в 1994-м, отправив вполне работоспособного, инициативного, но строптивного журналиста на пенсию по старости, причем, когда он был в отпуске, дописав потом «с последующим увольнением...».

Русский поэт Владимир Науменков погребен в г. Петропавловске-Камчатском.

Его стихи вошли в хрестоматию для школ Камчатской области «Литература родного края», печатались в литературно-художественном сборнике «Камчатка».

К сожалению, Владимир Науменков почти неизвестен на Курщине, где он родился.

Далее мы приводим воспоминания жены, а затем вдовы В. И. Науменкова Маргариты Ивановны Беловой. В них она рассказывала об их истории знакомства, о некоторых чертах личности поэта.

«Познакомилась я с ним в Тиличихах, находясь там в командировке в 1969 г. Я зашла в редакцию газеты “Заря коммунизма”, где он тогда работал, а у него – день рождения.

Мои знакомые журналисты, среди них Володя Данилов, пригласили меня с собой. Я не знала, к кому идем, хотя уже и слышала о Науменкове в Петропавловске от его друга Анатолия Соловьева – скульптора. Он очень много знал Володиных стихов и охотно их читал.

На дне рождения Владимир читал стихи, посвященные Северу. Он был очень колоритным молодым человеком. Я обратила на него внимание, и, как оказалось, он на меня тоже.

Весной 1970 г. он появился в Петропавловске. Володя физически не смог перенести закрытого пространства, каким в те годы был северный пос. Тиличихи. Хотя до самых последних дней был благодарен за радушный прием ныне покойному редактору районной газеты Владимиру Костину и Павлу Козлову.

В Тиличихах жили с ним мать Ольга Федоровна и сестра Зина. Он очень гордился борщами, которые варила для него мама.

И если в Тиличихах он чувствовал себя достаточно уютно, то, переехав в Петропавловск,

ощутил себя никому не нужным, хотя он и знал многих журналистов областного центра. Еще работая в “Залпе”, неоднократно навещался со стихами в петропавловские газеты, на радио. В 1970 г. устроился курьером в “Камчатский комсомолец”. Кажется, редактором газеты тогда был Павел Козлов. Все-таки друзья в беде его не бросали. Где-то с этого же времени мы стали жить вместе. В 1972 г. у нас родилась дочь Ольга. Ее он назвал в честь матери. Володя очень любил отца, мать, сестру, детей. А еще он любил поэзию.

В знании ее с ним я сравниться не могла. Хотя, закончив искусствоведческий факультет института имени Репина, неплохо знала русскую и мировую литературу. Он знал поэзию блестяще. Пока не постигнет того, что хотел знать, не отступал. Пушкина, Лермонтова, поэтов серебряного века знал от и до. Преклоняясь перед ними, кумиров, однако, из них не делал.

У него была феноменальная память. Он не любил поэтесс, не считая их поэтами, но стихи Ахматовой и Цветаевой знал досконально и спор об их творчестве мог вести основательный.

К классическому русскому искусству интерес у него был велик. На нем мы и сошлись. Он все хотел знать. Если критикуют Репина или хвалят, допустим, Глазунова, он стремился узнать почему. При встречах с художниками споры у них возникали жесткие. Мнение у него обо всем было “очень личное”. Оно всегда не совпадало с официальной точкой зрения.

Бывало, я принесу рукопись Солженицына, а он прочтет внимательно... и в титан. Я кричу: “Что ты наделал? Мне же отдавать ее надо!” А он мне советовал такую литературу больше в дом не приносить. Любил многих авторов – русских и зарубежных.

Отбор был абсолютно жестким. Кого-то уважал, но не читал, кого-то читал, но не уважал, но всегда говорил только о том, что знал. Даже модных в те годы, по его оценке “конъюнктурных”, писателей и поэтов перечитал. Что-то принял, что-то отверг. Но всегда был в курсе литературных событий.

И пострадал он в основном из-за того, что тягался со столичными поэтами. Стихи о культе личности, он считал, у него получались лучше, чем у Евтушенко. Но ведь он был военным журналистом, и вольнодумства бюрократическая машина ему простить не могла.

Поступок редактора “Зари коммунизма” Владимира Костина, принявшего его журналистом на работу, Володя считал гражданским подвигом. Ведь уволили Науменкова из армии с так называемым “волчьим билетом”. Он нигде не мог устроиться на творческую работу. Хотя членом Союза журналистов был с 1965 г., а поэтом от рождения...».

Маргарита Ивановна Белова вспоминала: «К Владимиру Науменкову при жизни не очень серьезно многие относились, может быть потому, что он не был принят в Союз писателей. Однако для молодых поэтов Володя Науменков был авторитетом, у него набирались жизненного и творческого опыта.

Если говорить о состоянии души русского поэта, потерянного в своей России, то он называл себя пасынком для своей страны.

Для него все мировые потрясения, всё, что касалось славянского народа – было болью. Он до конца своей жизни не мог простить немцев, потому что его детство – это Курская дуга; война прокатилась по нему, по его семье, отец погиб от ран, мать осталась одна с двумя детьми, это голод, бедность, несчастье.

Безумно любил природу Камчатки: зиму с пургой, морозом, камчатскую осень. Не то, что там Долина гейзеров или искусственные туристические красоты.

Любил спорт: катание на лыжах, игру в волейбол, плавание. То есть ничто человеческое ему не было чуждо.

Его очень привлекали эпохи перемен, в которые многие боялись попасть, поэтому Владимир Науменков очень хотел дожить до XXI века (2001 года), но не получилось.

Он серьезно занимался историей, углублялся в эпоху Ивана Грозного. Работал в исторических музеях, в государственном архиве, то есть просматривал документы.

Можно сказать, что он погиб, ему просто уже не захотелось жить, хотя он легко себя в жизни чувствовал. До конца дней он ощущал себя “под колпаком”, за ним был надзор, приходили домой, заглядывали в письменный стол».

Автор статьи «Всепоглощающая любовь» Виктор Григорьевич Шалатонов всего на три года пережил В. Науменкова. На Камчатку его занесло с Курил, а до этого он мыкался по материковой России безрадостно и бесприютно. Схожесть судеб позволила ему понять Поэта сердцем. Он первым написал о нем – очень грустно, проникновенно и правдиво. Это было раздумье вслух у еще свежей могилы.

«В который раз повторилось: ушел из жизни талантливый поэт, ушел отторгнутый временем и миром. Вершиной его признания стали речи у открытого гроба (большой частью лицемерные), где он лежал неузнаваемый, но как-то по-особому просветленный, словно освободившийся от мучительных мыслей о нас, от этой странной и бездушной жизни.

Веселыми никакие похороны не бывают, но столь тягостных, с чувством вины в сердцах стоящих у гроба я, пожалуй, не встречал. Это к тому, что нет, не жалуется наше общество поэтов, особенно живых. Поэт – всегда инородное тело, заглянуть в его душу, как правило, недосуг людям будней.

Истинным поэтам всегда жилось трудно. Поэт Владимир Науменков в этом плане был более благополучным, поскольку умел совмещать работу в газете и поэтическое вдохновение, но излом в его душе от этого был не меньше, не мельче, чем у тех поэтов, которых не жалела жизнь, не баловали пониманием люди.

Взять хотя бы изгнание поэта из офицеров военно-морского флота... Ему приписали разные грехи, на самом же деле грех был один – его стихи, которые не “строили” с официальной политико-воспитательной работой, честный и прямой характер, юношеский максимализм.

Настоящую трагедию пережил Владимир Науменков и в зрелые годы, когда его, автора двух книжек стихов (и каких стихов!) вдруг взяли да и не приняли в Союз писателей. Это было трагедией, потому что в те годы членство давало самое главное – признание в тебе того, что заложено Богом.

Самое удивительное во Владимире Науменкове – поэте – это то, что он, кажется, никогда не был учеником, он словно бы родился зрелым мастером. В сборнике “У этих каменных берез” есть пронзительнейшие стихи, исполненные так, что не верится, будто поэту в то время был всего лишь 21 год.

Так вот, как же было трудно жить мастеру, как же тяжело было видеть ему отлично изданные пятидесяти- и более тысячными тиражами зарифмованные политические статьи, чуть приукрашенные двумя-тремя избитыми образами-тропами (украшениями)?!

Аж в сорок три года вышли три листа его стихотворений смехотворным тиражом в три тысячи экземпляров. Радоваться ли? Зарыдать ли? Думаю, что он, скорее всего, вымученно улыбался, когда его поздравляли с выходом книжки.

Книга – не рукопись, ей стореть труднее, а это значит, что придут новые времена, когда людям надоест жить, уткнувшись в корыто с едой, захочется увидеть небо и солнце, захочется почувствовать жизнь не только желудком, и тогда две скромные книжицы и все то, что написал Владимир Науменков в последние годы перед кончиной, издадут, как полагается настоящему поэту. Это будет. Потому что он – шестидесятник по возрасту – тем не менее не соблазнился ни космической эйфорией, ни новомодными формалистскими поисками (или происками), тем более не стал работать на лицемерно-“народную” власть. В его стихах – вдовы последней войны, послевоенное детство, деда, Курщина с ее лесами-рощами. Проще сказать, жизнь простой глубинной России, то, о чем писали многие талантливые поэты. Сергей Есенин в том числе. Так вот, нужно быть очень талантливым, чтобы писать во след Есенину и о том же, и в то же время по-своему, по-науменковски.

Житель полей и перелесков, заболел морем и став офицером флота, Владимир Науменков писал о суровых северных краях, о старых капитанах и списанных судах – обо всем том, чего ему было невыносимо жалко (в старину “жалю” значило – “люблю”). И, конечно же, море... Оно у Владимира Науменкова свое, особое – живое и одухотворенное, а уж о красках говорить не приходится – нужно читать.

В тот короткий промежуток времени (около двух лет), в котором мы жили с поэтом рядом, я знал, что он более всего увлечен исторической темой. Исторические события, личности давали ему возможность показать, как нужно бы жить России сегодня, как нужно вести себя народу и его правителям.

Владимир Науменков был русским человеком, а русский человек, убегая от себя, от невыносимой тоски, серятины и рутины, непременно обращается к чарке. Приходилось мне пару-тройку раз составить поэту компанию. С ним было тяжело. Тяжело потому, что в нем начинал говорить и буйствовать юношеский максимализм, под хмельком не контролируемый разумом и опытом, а поскольку он всем своим существом жаждал, чтобы мир вокруг него был чист и праведен, чтобы люди были добры, умны и милосердны, честны, правдивы, то, не видя всего этого, он начинал злиться. То, что билось в нем с детства, – всепоглощающая любовь к Руси – о которой он в молодых стихах говорил потаенно и ненавязчиво (может быть, боялся прослыть одним из крикунов, которые сделали на этой “любви” карьеру и благополучие), теперь, он, уставший донельзя, уже больной и наверняка сознававший, что дни его сочтены, говорил громко, а то и кричал: “Вы погубили Россию!”. И я по-

лучал от него такие “пилюли”, и я злился на несправедливость его слов. А вот теперь мне кажется, что он был прав: ведь это мы, лицемеря, приспособиваясь, прищемив чуть-чуть свою совесть, в конечном счете действительно довели Россию до ее нынешнего плачевного состояния. Он старался в своих стихах пробудить у нас любовь к Руси. И в том, что его не поняли, не приняли, – не его вина.

...О чувстве вины перед поэтом говорили многие у его гроба. Как и положено у нас в России: дань уважения, понимание поэт заслуживает только после смерти.

Вот и я с этой статьей... А ведь мог бы написать о его стихах при его жизни! Может быть, это придало бы ему немного сил и он прожил бы несколько лишних дней».

1. *Науменков В.* Вершина Вольности: избр. произв. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2011. 304 с.

2. ККОМ. ВХ 7996/753. *Пустовит В.* Опальный поэт.

3. *Струначев-Отрок Г.* Он был поэтом от рождения // Пограничник Северо-Востока. 1999. 10 сент. ККОМ. ВХ 7996/774.

4. ККОМ. ВХ 7996/740. *Шалатонов В. Г.* Всепоглощающая любовь.